

М. М. САФОНОВ

УКАЗ О ПРАВАХ СЕНАТА 5 ИЮНЯ 1801 г.

5 июня 1801 г. Александр подписал указ, в котором он потребовал от Сената представить доклад о сущности прав и обязанностей этого учреждения и дал торжественное обещание утвердить их как непоколебимый государственный закон. Публичное обращение монарха к высшему бюрократическому учреждению с запросом о его правах — факт столь необычный для практики самодержавного правления, что уже сам по себе он не может не привлечь самого пристального внимания. Вместе с тем происхождение этого указа имеет немаловажное значение для исследования первоначальных целей и конечных результатов сенатской реформы, изучения ее истоков, определения исходных позиций различных правительственных группировок, интересы которых столкнулись при обсуждении реформы. Все это в конечном итоге должно способствовать более глубокому пониманию ее сущности. Однако предыстория указа 5 июня 1801 г. еще не выяснена.

Одна группа исследователей (в основном это были биографы Александра, создатели легенды о царе-преобразователе) считала, что инициатором реформы был сам император. Они объясняли появление указа 5 июня 1801 г. стремлением царя-либерала определить пределы абсолютной власти, внести элементы законности в государственное управление, найти в Сенате противовес своей неограниченной власти.¹ Эти исследователи связывали указ

¹ Градовский А. Г. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуратура. СПб., 1866, с. 266—267; [Богданович М. И.] История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869, т. 1, с. 92; Пыпин А. И. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871, с. 57—58, 82, 84; Щеглов В. Г. Государственный совет в России в особенности в царствование императора Александра Первого. Ярославль, 1892, с. 750—751; Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897, т. 2, с. 23, 24, 46; Семейский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 36; Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената в царствование императоров Александра I и Николая I. — В кн.: История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911. СПб., 1911, т. III, с. 26. — Далее: История Сената.

5 июня 1801 г. с деятельностью «молодых друзей», членов Негласного комитета, призванных содействовать царю на пути реформ.

Другая группа ученых, скептически относившихся к личности монарха и стремившихся учесть политическую обстановку, сложившуюся при воцарении Александра, видела в указе Сенату ответ царя на определенные требования, выдвинутые оппозиционными элементами, тонкий политический ход, имевший целью успокоить общественное мнение, дать намек на близость преобразований. Причем если одни исследователи считали, что требования реформы Сената выдвигали вельможи екатерининского времени, члены так называемой «сенатской партии»,² то вторые связывали появление указа 5 июня с преобразовательскими замыслами руководителей переворота 11 марта 1801 г.,³ бывших заговорщиков, а третьи усматривали в данном акте реакцию царя на стремления как тех, так и других правительственных группировок.⁴

Существование столь разноречивых мнений во многом объясняется тем, что до сих пор остается практически не исследованным вопрос о том, кем, когда и при каких обстоятельствах был подготовлен текст указа 5 июня 1801 г.

Вел. кн. Николай Михайлович, издатель наиболее важных документов «молодых друзей», полагал, что именно они внушили Александру мысль о реформах, и прямо назвал указ 5 июня 1801 г. «прекрасным результатом» совещаний Негласного комитета,⁵ хотя никаких «вещественных доказательств» их причастности к этому акту историк не имел. В отличие от него А. В. Предтеченский, подвергший обсуждению сенатской реформы в Негласном комитете наиболее обстоятельному анализу, считал, что указ 5 июня 1801 г. был подготовлен при непосредственном участии «молодых друзей», но инициатива в его издании вряд ли принадлежала им. Ученый основывал свое мнение

² *Довнар-Запольский М. В.* Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 года. — В кн.: Из истории общественных течений в России. Киев, 1905, с. 21; *Тельберг Г. Г.* Правительствующий сенат и самодержавная власть в начале XIX в.: (Очерк из истории консервативных политических идей в России на рубеже XVIII и XIX веков). М., 1914, с. 23; *Окунь С. Б.* История СССР: (Лекции). Часть I. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1974, с. 136.

³ *Семевский В. И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I. — В кн.: Отецествопная война и русское общество. М., 1911, т. II, с. 155—157.

⁴ *Парусов А. И.* Административные реформы в России I четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967, с. 856—857. Машинопись; *Ерошкин П. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981, с. 31; *Казанцев С. М.* Реформы высших и центральных государственных органов Российской империи в начале XIX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981, с. 7—8.

⁵ *Вел. кн. Николай Михайлович.* Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). СПб., 1903, т. 1, с. 104. — Далес: Граф Строганов.

на том, что в архиве П. А. Строганова, члена Негласного комитета, сохранилось множество документов, относящихся к сенатской реформе, что само по себе свидетельствовало о внимании, которое комитет уделял этому вопросу, да и высказывания «молодых друзей» весной 1801 г. о Сенате вполне гармонировали, по мнению исследователя, с основной мыслью указа 5 июня.⁶

Однако сенатские материалы, отложившиеся в строгановском архиве, попали туда в ходе реформы Сената, когда Негласный комитет активно участвовал в ее обсуждении, но эти документы отнюдь не свидетельствуют о том, что указ 5 июня подготовили «молодые друзья». Что же касается взглядов «молодых друзей» на способ проведения преобразований государственного устройства, то они, как это блестяще показал сам А. В. Предтеченский, считали, что царь должен готовить реформу в глубочайшей тайне, что она должна быть исключительным делом самого царя и чтобы никто не мог даже догадываться об ее подготовке.⁷ Публичное же, рассчитанное на широкий общественный резонанс обращение к Сенату с запросом о его правах в корне противоречило таким принципам. А. В. Предтеченский не заметил этого противоречия, но «молодые друзья» ясно осознавали его и, как увидим далее, откровенно говорили об этом, так что в действительности основная мысль указа 5 июня не только не гармонировала с высказываниями членов Негласного комитета, но и была прямо противоположна им. Очевидно, указ не мог быть делом рук «молодых друзей». Вместе с тем А. В. Предтеченский обратил внимание на то, что на заседании Негласного комитета 9 декабря 1801 г. «Строганов глухо упомянул о каких-то обстоятельствах, заставивших Александра издать указ 5 июня».⁸ В самом деле, Строганов заявил императору, что «если бы обстоятельства не заставили бы его величество дать обязательство по отношению к Сенату, было бы лучше этого не делать».⁹ К сказанному можно добавить, что Ф. Ц. Лагарп, воспитатель Александра, называл указ 5 июня «западной», поставленной «немедленно по воцелствованию государя на престол». По словам Лагарпа, императора «склонили» к этому.¹⁰

А. В. Предтеченский резонно предположил, что указ 5 июня был вызван к жизни требованиями, исходившими от Сената.¹¹ Однако исследователь не имел в своем распоряжении докумен-

⁶ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957, с. 110—111.

⁷ Essai sur le système à suivre dans la réformation de l'administration de l'Empire. — В кн.: Граф Строганов, т. II, с. 15—22; см. также с. 9, 11, 24, 29.

⁸ Предтеченский А. В. Указ. соч., с. 134.

⁹ Séance du 9 Décembre 1801. — В кн.: Граф Строганов, т. II, с. 143.

¹⁰ Сухомятинов М. И. Фридрих Цезарь Лагарп — воспитатель императора Александра I. — В кн.: Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1883, т. 2, с. 124.

¹¹ Предтеченский А. В. Указ соч., с. 111.

тов, возникших в процессе непосредственной подготовки указа, не привел доказательств в подтверждение своей точки зрения, не указал никаких конкретных фактов, которые могли бы обосновать это предположение. Между тем такие документы существовали, о них уже упоминалось в исторической литературе.

Еще в 1892 г. В. Г. Щеглов, автор монографии о Государственном совете, мимоходом отметил любопытный факт: сенатор Г. Р. Державин в своих «Записках» сообщил о том, что «указ 5 июня появился вследствие его представления Александру о нарушении в Сенате его коренных законов по делу Колтовской».¹² Сам исследователь не придавал своему наблюдению сколько-нибудь важного значения, ученые же, работавшие после него, вообще упустили эти сведения из своего поля зрения. А между тем они заслуживают самого пристального рассмотрения.

Г. Р. Державин так описал суть этого инцидента. При рассмотрении в Сенате дела об опеке над имуществом Н. А. Колтовской генерал-прокурору А. А. Беклешеву, который пристрастно держал сторону ее мужа, удалось добиться того, чтобы опекунами были назначены удобные ему люди. Н. А. Колтовская жаловалась Павлу, и царь отдал словесное повеление, объявленное генерал-прокурором, чтобы отменить прежнее решение и назначить опекуном Державина. После смерти Павла Беклешев попытался восстановить свое прежнее предложение. В общем собрании он мотивировал его тем, что прежняя опека учреждена письменным указом, а последняя — словесным повелением, письменный же указ имеет преимущество перед объявленным устно высочайшим повелением. Державин был с этим согласен, но, поскольку словесно объявленный указ уже был принят Сенатом в отмену письменного указа (причем последний вопреки законам лишал Колтовскую всего имущества без рассмотрения дела в нижних инстанциях), сенатор настаивал на том, чтобы императору был поднесен доклад «с прописанием сих запутанных обстоятельств». Державин собирался подать об этом, как он пишет, «свой голос», но к его удивлению 3 дня спустя в Сенат поступил уже утвержденный императором доклад, в который мнение Державина не было включено, а его имя не упоминалось вовсе. По словам Державина, это противоречило «коренной привилегии Сената, т. е. законам Петра I и Екатерины II, согласно которым один голос сенатора имел равное право с прочими», а разрешала разногласие самодержавная власть. Весь эпизод представлялся Державину так, как если бы генерал-прокурор нанес ему служебное оскорбление.¹³

В архиве Сената сохранилось подлинное дело Колтовских,¹⁴

¹² Щеглов В. Г. Указ. соч., с. 751.

¹³ Записки Державина. — В кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1871, т. VI, с. 759—760.

¹⁴ Об опеке над имуществом жены обер-бергмейстера Наталии Алексеевны Колтовской. — ЦГИА СССР, ф. 1330, оп. 2, д. 24, л. 1—243. — Крат-

которое позволяет проверить достоверность рассказа Державина и определить хронологию описанных событий. Из дела явствует, что 16 января 1800 г. Павел I велел Сенату найти способ устранить затруднения в расчетах Н. Г. Колтовского и его жены Н. А. Колтовской. 22 января 1800 г. царю был представлен генерал-прокурором А. А. Беклешевым всеподданнейший доклад, в котором над имуществом Н. А. Колтовской была учреждена опека, а опекуном назначен ее муж Н. Г. Колтовский, попечителями — сенаторы Альбьев и Шнезе. Павел I наложил на этом докладе резолюцию: «Быть по сему». Но уже 27 марта того же года вновь назначенный генерал-прокурор П. Х. Оболянинов объявил высочайшее повеление о том, что опекуном назначается сенатор Г. Р. Державин. Разобравшись в состоянии дел Н. А. Колтовской, Державин просил у Павла разрешения предложить рассмотреть их в общем собрании Сената и 12 января 1801 г. получил его. После воцарения Александра, когда Оболянинов на посту генерал-прокурора сменил вновь назначенный Беклешев, по его предложению общее собрание 16 апреля 1801 г. рассудило, что по закону 3 июня 1762 г. (ПСЗ, I, № 11592) сила и действие объявляемых разными лицами высочайших повелений не простирается на собственноручные высочайшие указы и конфирмации. Поэтому оно решило утвердить первоначальную волю Павла I, т. е. назначить опекуном имущества Н. А. Колтовской ее мужа, а попечителями — сенаторов Альбьева и Шнезе. Однако Державин не собирался так просто уступить звание опекуна. При обсуждении доклада 16 апреля Державин объявил, что, поскольку существовало два высочайших указа, письменный и устный, Сенат не может самостоятельно приступить «к исполнению такового постановления» и поэтому он испрашивает специального высочайшего указа по этому делу. 29 апреля при подписании приговора и всеподданнейшего доклада Державин подписать их отказался и настоял, чтобы в журнале заседания было записано, что он признает преимущество письменного указа над словесным, но если Александр подтвердит высочайшее повеление Павла 27 марта 1800 г., то он от опекунства Колтовской не отрекается. Тем более, подчеркнул Державин, раз уж в начале департамент Сената, а потом и общее собрание приняли к исполнению это словесное объявленное повеление, то необходимо принять во внимание указ 1763 г. (ПСЗ, I, № 11989), согласно которому если один департамент Сената вынесет решение, то другой департамент и общее собрание «без особой высочайшей воли рассматривать и перерешать не может».¹⁵ 30 апреля всеподданнейший доклад был конфирмован императором и 1 мая возвращен в Сенат для исполнения.

ное изложение дела см.: Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. СПб., 1911, отд. II, т. II, с. 15.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1330, оп. 2, д. 24, л. 228 об.—229, 231—231 об., 233—243.

Сопоставляя рассказ Державина с документами дела Колтовской, нетрудно убедиться, что сенатор верно изложил в своих «Записках» суть эпизода, он опустил лишь то обстоятельство, что, желая остаться опекуном, менял свои мотивировки: вначале сомневался в полномочиях общего собрания Сената делать выбор между двумя изъявлениями высочайшей воли, затем, напротив, настаивал на окончательности решения одного сенатского департамента. Только эта последняя мотивировка была изложена впоследствии в «Записках». О том, что произошло дальше, державинские «Записки» повествуют так. Державин «тотчас же» направил статс-секретарю Александра М. Н. Муравьеву письмо с просьбой выхлопотать у царя аудиенцию. На следующий день он получил ее. Во время встречи с царем Державин заявил: «Ваше императорское величество манифестом своим о восшествии на престол обещали царствовать по законам и по сердцу Екатерины; законы же Петра Великого, на коих основан Сенат, и сей государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голос каждого имел право доставлять спорное дело на рассмотрение самого монарха, несмотря на мнение прочих, которые были бы с ним несогласны, а ныне генерал-прокурор Беклешев по делу госпожи Колтовской поднес доклад вашему величеству, не упомянув о моем противном прочим мнению, чем и учинил мне по должности презрение, то и осмеливаюсь испрашивать соизволения Вашего, на каком основании угодно Вам, оставить Сенат. Ежели генерал-прокурор будет так самовластно поступать, то нечего сенаторам делать, и всеподданнейше прошу меня из службы уволить». Царь ответил: «Хорошо, я рассмотрю». «Вслед за сим, через несколько дней, — утверждал Державин, — последовал указ 5 июня 1801 г.»¹⁶

Как ни велико было возмущение Державина действиями генерал-прокурора, оно, однако, не имело под собой никаких юридических оснований. Действительно, в первые годы существования Сената (1711—1714) решения в нем принимались единогласно, в случае же разногласий спорный вопрос с «пронесением» различных мнений переносился на решение монарха (ПСЗ, I, № 3978). В 1763 г., когда Екатерина II разделила Сенат на департаменты, был установлен новый порядок: спорное дело из департамента переносилось в общее собрание департаментов, а если и там не получало разрешения, оно поступало к монарху (ПСЗ, I, № 11989). Но Павел I указом 26 января 1797 г. отменил единогласие сенатских решений и установил порядок, на основании которого дело считалось окончательно решенным, если за него проголосовало большинство сенаторов (ПСЗ, I, № 17760). Поэтому в деле Колтовской генерал-прокурор А. А. Беклешев поступил в строгом соответствии с действующей в тот момент сенатской процедурой. Протест же Г. Р. Дер-

¹⁶ Записки Державина, с. 760—761.

жавина против «самовластительства» генерал-прокурора, якобы нарушившего закон, не имел под собой никакой почвы.

Ссылаясь на обещание Александра вернуться к политическим принципам Екатерины II, Державин возмущался теми изменениями, которые были внесены в сенатскую процедуру Павлом, и, очевидно, подтекст этого заявления состоял в том, что не пора ли начать реформу Сената. К сожалению, нам не удалось обнаружить письма Державина к М. Н. Муравьеву с просьбой об аудиенции. Оно позволило бы точно датировать встречу с царем. Но поскольку Державин написал его сразу же после того как доклад Сената был возвращен в общее собрание (1 мая 1801 г.), а разрешение ему было дано на следующий день, то аудиенция Александра состоялась 2 или 3 мая 1801 г. Тот факт, что вопрос о необходимости реформы Сената впервые был поставлен именно Державиным, заслуживает особо пристального внимания. Сам Державин в «Записках» дал своему поступку следующую интерпретацию. Д. П. Троицкий и генерал-прокурор А. А. Беклешев, самые влиятельные сановники того времени, поссорились между собой. А. Р. Воронцов принял сторону Троицкого и пошел против Беклешева, который «злоупотреблением законов» присвоил себе «всю власть... самодержавную». Державин был согласен с Воронцовым «на воздержание самовластительства генерал-прокурора». «При открывшемся случае» он обнаружил о том свое мнение. Таким случаем явилось дело Колтовских.¹⁷

Однако было бы неверно полностью положиться на державинскую интерпретацию событий. Дело в том, что Державин был теснейшим образом связан с П. А. Зубовым,¹⁸ руководителем только что свершенного дворцового переворота 11 марта 1801 г. В ходе сенатской реформы они выступили как соавторы самого радикального проекта преобразования Сената,¹⁹ а между тем в своих «Записках» Державин ни словом не обмолвился об этом и вообще скрыл от читателя сам факт своего сотрудничества с П. А. Зубовым в 1801 г. Руководители антипавловского заговора П. А. Зубов и П. А. Пален весной 1801 г. поднимали вопрос об изменении государственного устройства страны, ограничении самовластия царя, введении так называемой «аристократической конституции».

Дворцовый переворот 11 марта 1801 г. сопровождался слухами о том, что в момент убийства Павла заговорщики пытались ограничить самодержавную власть и что именно «князь Зубов в эту ночь в кабинете императора держал в руке сверток бумаги, на котором будто бы написан был текст соглашения между монар-

¹⁷ Там же, с. 759.

¹⁸ Там же, с. 610, 627, 665—667, 707, 751—752.

¹⁹ См. подробнее: Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова — Г. Р. Державина. — В кн.: ВИД. Л., 1978, X, с. 226—227.

хом и народом». ²⁰ По свидетельству драматурга А. Коцебу, Пален и Зубов имели «благотворное намерение ввести умеренную конституцию», Зубов делал ему соответствующие намеки. ²¹ Вместе с тем Пален и Зубов, констатировал баварский поверенный в делах Ольри, «довольно свободно произносили слово „конституция“». ²²

Во второй половине апреля П. А. Зубов склонял П. В. Завадовского сделать Александру предложение о необходимости реформы государственного управления. ²³ Хотя П. В. Завадовский и отказался, его отказ не обескуражил вчерашнего заговорщика. Напротив, он развил энергичную деятельность, и уже в начале мая усилия Зубова привели к тому, что разговоры о конституции приняли в Петербурге почти всеобщий характер. ²⁴ В вельможных кругах столицы сложилось впечатление о том, что руководители антипавловского заговора поставили перед Александром как условие *sine qua non* ограничение самодержавной власти. ²⁵ «Молодые друзья» царя П. А. Строганов и В. П. Кочубей были глубоко убеждены в том, что «в деле реформы Александр настолько скомпрометировал себя с князем Зубовым, что уже нет никакой возможности отступить назад». ²⁶ Царь и сам недвусмысленно дал понять Строганову, что «уже нельзя более отступить назад перед Зубовым и следует думать только о том, чтобы использовать его с наибольшей выгодой». ²⁷ В тот же день, 9 мая, когда Александр сделал такое важное признание, он также сообщил Строганову о своем намерении «придать Сенату его первоначальную силу» и для этого «поручить 1-му департаменту Сената самому исследовать вопрос, отчего они потеряли свои права и каким образом придать им силу».

Взгляды «молодых друзей» на способ проведения преобразований государственного устройства были в корне противоположны тому, что собирался сделать царь. ²⁸ Поэтому уже после разговора с царем 9 мая 1801 г. Строганов был вынужден констатировать: «Если он (Александр I. — М. С.) настаивает на том, чтобы Сенат самоорганизовался, то это было бы совершенно противоположно данному принципу». ²⁹ Но царь не внял настояниям Стро-

²⁰ Записки Н. А. Саблукова. — В кн.: Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников. СПб., 1908, с. 96.

²¹ Записки Августа Коцебу. — Там же, с. 397.

²² Из донесений баварского поверенного в делах Ольри (Olry) в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I. Пг., 1917, с. 7.

²³ Résultat d'une conversation avec l'Empereur, le 23 Avril 1801. — В кн.: Граф Строганов, т. II, с. 7.

²⁴ Projet pour un travail avec S. M. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 57, л. 22.

²⁵ Из донесений баварского поверенного в делах Ольри. . ., с. 7.

²⁶ Résultat d'une conférence avec le comte Kotchoubey du 9 Mai 1801. — В кн.: Граф Строганов, т. II, с. 34.

²⁷ Résultat de ce travail fait le 9 Mai. — Там же, с. 30—31.

²⁸ Там же, с. 29—31.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 57, л. 17 об.

ганова. Напротив, в тот же день, 9 мая, когда Александр впервые сообщил о своем намерении обратиться к Сенату с публичным запросом, он предпринял определенные практические шаги в этом направлении. Строганов, судя по его записи беседы с царем, об этом не знал. Это осталось неизвестным и публикатору строгановской записи беседы с царем 9 мая 1801 г. вел. кн. Николаю Михайловичу. Между тем еще в 1897 г., за шесть лет до публикации вел. кн. Николая Михайловича, Н. К. Шильдер, автор биографического труда об Александре I, сообщил о том, что 9 мая 1801 г. Д. П. Троицкий читал императору «записку о Сенате, в которой объяснены причины, поставившие Сенат в унижение, и средства вывести его из оного». Историк так передал содержание этого документа: «Причины унижения, по словам Троицкого, заключались в побочном влиянии и властолюбивых видах лиц, чрез которые Сенат представлял свои дела». Н. К. Шильдер также упомянул, что к записке были приложены пять проектов указа о восстановлении его прав.³⁰

К сожалению, историк ограничился этим лаконичным и не сопровождаемым никаким комментарием сообщением и не указал источника своих сведений. В обширном архиве Н. К. Шильдера не сохранилось текста самой записки, нет там и никаких документов, которые могли бы пролить какой-либо свет на этот вопрос. Биограф Александра I не был авторитетным знатоком истории государственных преобразований начала XIX в., и, возможно, поэтому важное сообщение Н. К. Шильдера, мимоходом брошенное в примечаниях к жизнеописанию царя, осталось незамеченным исследователями. Лишь С. М. Казанцев, процитировав вышеотмеченный отрывок шильдеровского труда, указал, что, возможно, речь шла о наиболее раннем документе, возникшем в ходе сенатской реформы.³¹ Но никто не попытался выяснить этот вопрос.

Между тем, как это ни покажется странным на первый взгляд, материалы, имеющие самое непосредственное отношение к тому документу, о котором писал Н. К. Шильдер, были уже опубликованы за 19 лет до того, как его труд вышел из печати. С момента публикации они постоянно находились в поле зрения исследователей сенатской реформы, но до сих пор не были никем опознаны.

Среди бумаг Комитета председателей Государственного совета, где сосредоточены материалы, связанные с проектами преобразования Сената, подготовленными М. М. Сперанским в 1810—1811 гг., сохранились две далеко не одинаковые по объему группы документов,³² возникших в ходе сенатской реформы 1801 г.

³⁰ Шильдер Н. К. Указ. соч., т. 2, с. 268.

³¹ Казанцев С. М. Сенатская реформа 1802 г. — Правоведение, 1980, № 4, с. 56.

³² ЦГИА СССР, ф. 1164, оп. XVI, д. 9—10. — Далее: Бумага Сперанского, ч. VI. XXVII.

В одной из них отложились главным образом беловые рукописи (тетрадь VI), в другой сосредоточились исключительно черновики (тетрадь XXVII).

В 1878 г. Н. В. Калачов опубликовал материалы этого комплекса.³³ Исследователь полностью воспроизвел документы VI тетради, черновые же рукописи XXVII тетради напечатаны не были, хотя публикатор оговорил в примечаниях существование одной из них.³⁴

Среди материалов, опубликованных Калачовым, находятся три тесно связанных между собой документа, значение и место которых в истории подготовки сенатской реформы еще не выяснены. Это записка «О причинах унижения Сената»,³⁵ документ, озаглавленный «О преимуществах и должностях Сената»,³⁶ а также рукопись в виде таблицы, в левой части которой помещен текст, озаглавленный «Преимущества Сената», а в правой — материал под названием «Нарушения их».³⁷

Из всех исследователей сенатской реформы только Э. Н. Берендтс пользовался этими документами. Он пересказал содержание рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях и заключил, что она относится ко времени составления всеподданнейшего доклада Сената, представленного в осуществление указа 5 июня 1801 г.³⁸ (две другие рукописи не привлекли его внимания). Хотя Э. Н. Берендтс и верно подметил определенную связь некоторых идей этого документа с основными положениями сенатского доклада, тем не менее его атрибуция данных материалов оказалась ошибочной. Э. Н. Берендтс не заметил, что среди них была записка «О причинах унижения Сената», название которой близко перекликалось, а первые строки текста почти дословно совпадали с тем, что сообщил Н. К. Шильдер о сочинении Д. П. Троицкого, прочитанном Александру 9 мая 1801 г.

Все три документа написаны писцовым почерком, но содержат поправки и приписки М. М. Сперанского. В черновиках же XXVII тетради сохранилось несколько подготовительных материалов к этим документам. Они написаны всецело рукой Сперанского и не оставляют никаких сомнений в том, что именно он был автором всех указанных документов. С 19 марта 1801 г. Сперанский состоял при Троицком, редакторе большинства законодательных актов в первые месяцы царствования Алексан-

³³ Из архива Государственного совета: Приложения к указу 8 сентября 1802 г. о правах и обязанностях Сената, состоящие в проектах и материалах, по сему случаю изготовленных и собранных. — В кн.: Сб. Археологического института. СПб., 1878, кн. 1, отд. II, с. 124—168. — Далее: САИ.

³⁴ САИ, с. 125.

³⁵ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 23—27 об.; САИ, с. 130—134.

³⁶ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 20—22 об.; САИ, с. 128—130.

³⁷ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 17—19; САИ, с. 125—128.

³⁸ История Сената, с. 31—34.

дра I, для исполнения «дел, на него по высочайшей доверенности возложенных».³⁹ Следовательно, эти документы составлены Сперанским для Троицкого.⁴⁰ В черновиках XXVII тетради сохранились две рукописи. В одной из них в 12 пунктах перечислены преимущества Сената,⁴¹ в другой также по пунктам обозначены их нарушения.⁴² После некоторой переработки из этих двух рукописей была создана сводная редакция, имеющая вид таблицы, в которой против каждого преимущества указано нарушение его. Эта таблица дошла до нас в беловом виде. Она написана писцом и лишь выправлена Сперанским.⁴³ Автор предельно ясно изложил свой взгляд на сущность Сената — это высший исполнительный и судебный орган. Как верховный исполнительный орган он осуществляет непосредственное управление всеми государственными учреждениями страны. Никакая другая власть, кроме законодательной, не может изменить или отменить сенатские решения и повеления. В силу этого Сенату принадлежит исключительное право предписывать «образ исполнения законов» всем подчиненным ему учреждениям, давать им указы, требовать их исполнения, назначать, производить в чины, продвигать по службе чиновников, разбирать жалобы на них. При этом Сенат имеет право оказывать определенное влияние на законодательную деятельность монарха: делать представления царю, если издаваемые им указы неудобны для исполнения или же противоречат ранее изданным постановлениям. Как верховный орган суда Сенат является высшей инстанцией для всех судебных учреждений страны. В своих решениях он свободен и не подлежит никакому «влиянию», «управлению», «взысканию». Его авторитет верховного судьи обеспечивается следующими процессуальными нормами. Все департаменты Сената равны между собой в правах. Жалобы на решения департаментов могут рассматриваться только в общем собрании Сената. Апелляции на решение общего собрания категорически запрещены (за исключением чрезвычайных случаев, когда обнаружатся неизвестные при рассмотрении дела обстоятельства, в таком случае апелляция подается через рекетмейстера царю). В случае разногласий в общем собрании департаментов дело со всеми высказанными мнениями выносится на решение монарха. В своих решениях сенаторы совершенно свободны и не подлежат никакой ответственности.

Нарушение этих преимуществ Сената автор видел в том, что подчиненные Сенату учреждения были выведены из подчинения ему «частными предписаниями и угрозами лиц, действующих вне Сената». Под этими лицами подразумевались фавориты мо-

³⁹ Попов А. И. Записка Д. П. Троицкого об учреждении министерств. — В кн.: Сб. РИО. СПб., 1868, т. III, с. 7.

⁴⁰ Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 4—9.

⁴¹ Там же, л. 4—4 об.

⁴² Там же, л. 5 об.

⁴³ Там же, ч. VI, л. 17—19 об.; САИ, с. 125—128.

пархов и генерал-прокуроры, довереннейшие царям люди. Они перетолковывали, изменяли и останавливали указы Сената, вмешивались в дела подчиненных учреждений, принимали и разбирали жалобы на них, назначали и увольняли чиновников. Сенат же не мог делать представлений царю о неудобстве или противоречивости издаваемых указов, потому что сенаторы не только не принимали никакого участия в их подготовке, но часто ничего и не знали о ней. Большая часть дел, относящихся к компетенции Сената, оказалась в руках доверенных людей царя, государевых любимцев, поэтому Сенат не мог рассматривать огромное количество жалоб на такие дела, ибо сам постоянно находился как бы под судом этих людей.

На Сенат оказывалось непосредственное давление со стороны самодержцев: «отрешением целых департаментов», переводом сенаторов из одного департамента в другой, особенно во временные. «по неудовольствиям» и «в наказание». Была изменена и сенатская процедура: единогласие сенатских решений заменялось решениями по большинству голосов, которое всегда было на стороне генерал-прокурора, сенаторы лишились права в спорных случаях представлять дело на усмотрение монарха.

Таблица, перечислявшая преимущества Сената и их нарушения, послужила отправным пунктом для создания записки «О причинах унижения Сената». Эти причины были указаны в первых же строках записки: «побочное влияние и властолюбивые виды» тех лиц, через которых Сенат представлял свои дела царю. Хотя в записке эти лица прямо не назывались, нетрудно было догадаться, что речь шла о генерал-прокуроре, в непосредственные обязанности которого входило представлять всеподданнейшие доклады Сената. «Побочное влияние» — это правительственная деятельность государевых любимцев, вся власть которых основывалась только на фаворе. Именно генерал-прокуроры и фавориты самодержцев, стоявшие во главе отдельных отраслей государственного управления, непосредственно подчиненные монарху, лишили Сенат его законной власти и присвоили ее себе. Для того чтобы вернуть Сенату его прежнее значение, в записке намечался целый ряд мер, которые должны были парализовать действие причин, приведших к потере его реальной власти. Они были изложены в 4 пунктах. Первые два содержали предельно четкие формулировки. Их суть сводилась к следующему: необходимо, во-первых, подтвердить, «чтобы в единой власти Сената состояло точное и непосредственное управление всех присутственных мест в империи», во-вторых, постановить, «чтобы один Сенат мог предписывать образ исполнения законов...».

Третье важное требование состояло в том, чтобы закрепить за Сенатом монопольное право назначать, награждать, продвигать по чинам и увольнять чиновников во всех подчиненных ему учреждениях. Эта мысль была подробно аргументирована, но в отличие от двух других требований она не была выражена в лаконичной формулировке в основном тексте записки. Эта фор-

мулировка появилась позднее. На полях рукописи Сперанским было приписано: «По всем сим уважениям точность исполнения пужно соединить с правом избрания исполнителей, а посему Сенат должен иметь и по узаконениям имеет в точной своей власти назначение и определение чиновников по части исполнительной».⁴⁴ Наконец, четвертое требование заключалось в том, чтобы никто, кроме Сената, не имел права побуждать подчиненные ему учреждения к скорейшему решению производившихся там дел и вследствие поступавших жалоб вмешиваться в их течение. Порочность установившегося на практике в обход существующих законов порядка аргументировалась пристрашно и убедительно, однако мысль о невмешательстве «лиц, особенной поверенностью почтенных», в дела подведомственных Сенату учреждений, как и в предыдущем случае, не была выражена в виде четкого требования.⁴⁵

Сравнивая записку «О причинах унижения Сената» с рукописью о преимуществах Сената и их нарушениях, легко заметить, что в ней отсутствуют многие положения, намеченные первоначально. В частности, ни слова не говорится о таком важном моменте, как право представления, опущено все, что касается судебных функций Сената, сенатской процедуры. Это несоответствие порождает ряд недоуменных вопросов, но внимательное изучение рукописи записки, опубликованной Н. В. Калачовым, позволяет их разрешить. Дело в том, что каждый лист рукописи содержит в себе вполне законченный и самостоятельный фрагмент, непосредственно не связанный с предшествующим и последующим текстами. Эти фрагменты распределяются следующим образом. На л. 23—23 об. расположен текст, который начинается словами: «Побочное влияние и властолюбивые виды лиц...» — и завершается фразой: «Точность исполнения неразрывна с правом определения или отрешения чиновников исполняющих» (с. 130—131). Л. 24—24 об. содержит следующий затем в публикации текст, открывающийся фразой: «Каким образом Сенат мог требовать...» — и завершающийся словами: «Следовательно, на все дерзающим» (с. 131—132). Далее шло подчеркнутое в рукописи и не отраженное в публикации предложение: «В отвращение всех сих злоупотреблений необходимо пужна» (л. 24 об.). Следующий лист открывается также не упомянутыми Н. В. Калачовым словами: «Точность исполнения обеспечить избранием способных и достойных людей, а посему Сенат должен иметь весьма...». Затем на л. 25—25 об. следовал текст, заключенный в публикации между словами «ложное правило» и «в общее презрение упавших» (с. 132—133). Половина л. 25 об. осталась чистой. Далее на л. 26—27 шел текст, напе-

⁴⁴ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 24; САИ, с. 132.

⁴⁵ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 23—27; САИ, с. 130—134. — Далее сноски на этот документ даются в тексте (в скобках приводятся страницы).

чатанный на с. 133—134, причем текст л. 26 оканчивался словами: «... первая инстанция будет государь, а вторая Сенат».оборот же л. 26 открывался новым предложением: «Что принадлежит до жалоб второго рода...»

Все эти переписанные на белом фрагменты, подготовленные Сперанским для записки Трошинского, Н. В. Калачов опубликовал в той последовательности, в которой они находились в архивном деле. Издатель лишь устранил зачеркнутые места, и получился вполне связный текст.

Между тем среди черновых материалов XXVII тетради, которые в публикацию Н. В. Калачова не вошли, сохранились черновые фрагменты отдельных листов этой записки, которые свидетельствуют о том, что ее текст был иным.⁴⁶ Так, после слов: «... а вторая Сенат», которыми в белом виде заканчивался л. 26, в черновике следовал вывод: «Надобно, чтобы побудительные указы выходили только от Сената и по жалобам только на губернские правления. Тогда сим внимание мест присутственных, также на указанные части разделенное и тем самым ослабленное, обратится к единому Сенату. Тогда Сенат воспримет свою силу и сила его всегда будет уважена...» (л. 6 об.). Фрагмент о жалобах второго рода, завершивший л. 27 белого текста словами «великий повод к смещению» (с. 133—134), в черновике также имел продолжение в форме четко сформулированного вывода: «Для сих то причин должно поставить или лучше утвердить как последствие уже постановленных законов, чтобы никакое место и лицо не только взыскивало или подтверждало об исполнении, ни объявляло указы по делам в присутственных местах, производящихся мимо Сената, и чтобы Сенат подтверждал по жалобам, до него доходящим, единственно в губернские правления и никак не входил бы в дела следственные прежде, чем нежели войдут они к нему по порядку» (л. 6 об.—7).

В черновиках сохранился также фрагмент пункта, первоначально обозначенного как V, а потом исправленного на IV. Он посвящен обоснованию права представления. «Часто в Сенат вносились, — гласит рукопись, — на исполнение такие указы, которые основаны были на частных соображениях, противоречили или общим узаконениям или прежние разрушали. Поставлены ли были в виду государю все сии обстоятельства — сие оставалось от Сената сокрытым». Сенат «даже и того не знал, для чего и почему он так действует... отсюда происходило всеобщее смещение, недоразумения и неуважение к Сенату, который сам не мог ничего разъяснить». Вывод гласил: «Если коллегиям законами положено (в должности Сената) в случае темных, невразумительных или противоречащих от Сената указов останавливать исполнение, делать свои представления, для чего Сенату не пре-

⁴⁶ Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 6—9. — Далее ссылки на эти материалы даются в тексте.

доставить право подобное же, недоумения и изъяснения всех обстоятельств вносить доклад к государю и, получив последнее, тогда уже исполнять немедленно?» (л. 7 об.—8).

Пункт V черновой рукописи трактовал вопрос о запрещении жалоб на сенатские решения в полном соответствии с пунктами VIII—IX беловой редакции рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях. Почти дословно повторив пассаж о том, что Сенат постоянно находился под судом «известных лиц», автор предлагал восстановить нарушенное преимущество, «означив его следующим образом: 1) никакие жалобы на решения департаментов Сената иначе не приемлются, как с предоставлением их, ежели они уважены, на общее самого Сената разрешение; 2) на общее Сената собрание никакие жалобы в неправосудии или в пристрастии не приемлются, но если в них будет приведено обстоятельство, до сведения Сената не дошедшее или необнаруженное, тогда единственно для сличения сих жалоб с делами будут они отсылаемы к генерал-рекетмейстеру, дабы по представленному от него экстрату можно было приводимые обстоятельства принять на уважение» (л. 9). Пункты VII и VIII, представлявшие собой аналогию пунктам XI—XII таблицы преимуществ Сената и их нарушений, были очень лаконичны: «Сколько ослаблена сила Сената и вся власть его приведена в одни руки положением о большинстве голосов в общем собрании, сии не перечесть доказательства. Сколько унижены временные Сената департаменты переменою и, так сказать, ссылкой туда сенаторов, сие так же ощутительно» (л. 9).

Таким образом, черновики Сперанского свидетельствуют о том, что, работая над запиской, он стремился воплотить в ее тексте все те положения, которые были первоначально намечены им в рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях. До нас же дошли только фрагменты перебеленного текста, которые отнюдь не исчерпывают всего круга вопросов, которые Сперанский пытался поднять в своей записке. Но были ли они воплощены в беловом тексте, представленном 9 мая Троцким царю?

В архиве Государственного совета сохранилось дело «О рассмотрении и рассылке рукописей, книг и бумаг, оставшихся после покойного д. т. с. Троцкого». ⁴⁷ Оно позволяет пролить некоторый свет на поставленный вопрос. В последней четверти XIX в. это дело стало известно некоторым историкам. ⁴⁸ (Возможно, был знаком с ним и Н. К. Шильдер. Во всяком случае его сведения почти дословно воспроизводят фразы и документы этого дела). Из него явствует следующее. В 1835 г. был состав-

⁴⁷ ЦГА СССР, ф. 1250, Бумаги, оставшиеся после председателей и членов Государственного совета, оп. XVI, д. 40. — Далее: Бумаги Троцкого.

⁴⁸ Об этом деле и его использовании см. подробнее: Сафонов М. М. Записка А. А. Безбородко о потребностях империи Российской. — В кн.: ИИД. Л., 1983, XVI, с. 184—185.

лен краткий реестр бумаг, хранившихся в имени Д. П. Трощинского. К реестру приложена подробная опись, в которой раскрыто содержание каждого документа.

В реестре под № 7 обозначена «Записка, поднесенная Трощинским государю императору 9 мая 1801 г., о причинах, поставивших Сенат в унижение, и о средствах вывести его из оногo».⁴⁹ Тут же сказано, что к записке приложены «проекты указов, из коих один с собственноручными е. в. поправками». Когда в 1855 г. бумаги Трощинского поступили в архив II отделения собственной е. и. в. Канцелярии, в реестре, по которому осуществлялась эта передача, под № 15 интересующий нас документ был обозначен несколько иначе: «Записка Трощинского 9 мая 1801 г., читанная государю, о причинах унижения Сената и средствах вывести его из оногo».⁵⁰ Из архива II отделения бумаги Трощинского были переданы в фонд Комиссии составления законов, где они ныне находятся,⁵¹ но записки 9 мая 1801 г. там нет. Видимо, она бесследно исчезла вместе с приложенными к ней проектами указов. Но подробная опись бумаг Трощинского, где было изложено краткое содержание каждого документа, сохранилась. В этой описи о записке 9 мая 1801 г. сказано буквально следующее: «В ней Трощинский хотел изъяснить причины, поставившие Сенат в унижение, и средства вывести его из оногo. Причины унижения заключаются в побочном влиянии и властолюбивых видах лиц, чрез которых Сенат представлял свои дела. В записке излагается мнение о необходимости: 1) „чтобы в единой власти Сената состояло точное и непосредственное управление всех присутственных мест в империи и чтобы один государь или именной его указ мог переменить или остановить повеления Сената; 2) чтобы один Сенат мог предписывать образ исполнения законов и чтобы все недоразумения представляемы были на его разрешение; 3) чтобы точность исполнения была соединяема с правом избрания исполнителей, чтобы по сему Сенат имел в точной своей власти назначение и определение чиновников по части исполнительной; 4) чтобы Сенату в случае недоумения при исполнении высочайшей воли представлялось вносить оныя докладом к государю прежде исполнения оной; 5) чтобы мимо Сената никакое место или лицо не могли делать взысканий или подтверждений по делам в присутственных местах производящихся; 6) чтобы на обещание Сената собрание не было допускаемо апелляции и проч.“.

Прплагается пять проектов указа Сенату о восстановлении прав его. Оный состоялся 5 июня 1801 г.».⁵²

Сопоставив это описание с беловыми фрагментами и черновыми отрывками, которые сохранились в бумагах Сперанского, не-

⁴⁹ Бумаги Трощинского, л. 103.

⁵⁰ Там же, л. 445 об.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1260.

⁵² Бумаги Трощинского, л. 239—241. — Порядковые номера в тексте проставлены нами.

трудно убедиться, что и те и другие были использованы при составлении окончательного текста. Перечень выводов в окончательном тексте, т. е. рекомендаций средств вывести Сенат из унижения, приведен в описании, к сожалению, не полностью — мы не знаем, что скрывается за сокращением «и проч. . .». Но даже этого перечня достаточно, чтобы убедиться в том, что в окончательный текст вошли основные положения, разработанные в рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях. В самом деле, первые три вывода почти дословно перенесены из белого фрагмента записки «О причинах унижения Сената».⁵³ Четвертый вывод представляет собой слегка видоизмененную формулировку права представления, которое обосновывалось в IV пункте чернового фрагмента.⁵⁴ Вывод пятый близок к формулировке чернового фрагмента о жалобах второго рода,⁵⁵ шестой — в более развернутом виде был изложен в VI пункте черновика записки.⁵⁶ По сравнению с таблицей, перечислявшей преимущества Сената и их нарушения, и черновыми фрагментами в перечне выводов окончательного текста записки «О причинах унижения Сената» мы не находим прямого упоминания о том, что все жалобы на подчиненные Сенату учреждения рассматриваются только им самим, что жалобы на решения департаментов разбираются не иначе как в общем собрании, а также о равенстве департаментов, независимости суждений, переносе дела к императору в случае разногласия в общем собрании. Скорее всего именно эти показавшиеся чиновникам, составившим опись, более мелкими вопросы скрывались за сокращением и «проч. . .», которым было завершено описание записки Троцинского. Очевидно, записка, которую 9 мая 1801 г. Троцинский прочитал царю, включала в себя белые фрагменты, опубликованные Н. В. Калачовым, но окончательный ее текст был значительно расширен: в нем получили развернутое обоснование те выводы, которые содержались в рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях. И даже если не все положения этой рукописи вошли в окончательный текст записки Троцинского, при ее анализе необходимо учитывать весь комплекс рукописей, которые послужили подготовительным материалом для ее составления. Другими словами, если Троцинский и не включил тех или иных положений в свою записку, надо иметь в виду, что он несомненно подразумевал их.

Теперь, когда мы в общих чертах восстановили содержание первого документа, с которого началась подготовка сенатской формы, попробуем дать ему оценку.

В записке верно был изображен процесс централизации и бюрократизации государственного аппарата, вытеснение принципа коллегиальности принципом единоначалия, следствием которого

⁵³ САН, с. 131—132.

⁵⁴ Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 7 об.—8.

⁵⁵ Там же, л. 6 об.—7.

⁵⁶ Там же, л. 9.

являлось уменьшение власти Сената, увеличение роли генерал-прокурора. Практика превращения генерал-прокурора в министра по делам, находившимся формально в ведении Сената, лежала в русле складывавшейся на протяжении второй половины XVIII в. системы единоличного управления и постепенного вытеснения коллегиальных начал. Эта практика не была случайным явлением и вполне сознательно осуществлялась предшественниками Александра. Но именно этот момент деятельности монархов, приводивший к уменьшению значения Сената как органа коллективного управления вельможной бюрократии, не получил никакого отражения в записке, хотя вполне осознавался ее авторами. Напротив, в записке процесс уменьшения власти Сената представлялся как следствие злоупотреблений со стороны личных агентов власти царя, а неудовлетворительное состояние государственного управления, характеризующееся отсутствием законности и господством произвола, выводилось непосредственно из этого процесса. Вопрос же о том, что усиление личных начал в государственном управлении вело к укреплению самодержавной власти, тщательно обходился.

Записка Троицкого представляла собой реакцию на те процессы, которые развивались в государственном управлении России во второй половине XVIII в. Генерал-прокурору как представителю личной власти царя противопоставлялся Сенат как корпоративный орган вельможной бюрократии. Троицкий протестовал не против бюрократизации вообще, ибо Сенат был таким же бюрократическим учреждением, но против бюрократизации, при которой власть через личных агентов концентрировалась в руках монарха. Троицкий пытался этому противопоставить такой вариант, при котором вся реальная власть окажется в руках вельможной бюрократии, которая от имени царя непосредственно будет осуществлять всю исполнительную и судебную власть и даже оказывать определенное влияние на законодательную деятельность монарха. Положения, выдвинутые Троицким, по своей сути были верховническими, представляли собой как бы бюрократический вариант верховничества, носящий довольно умеренный характер.

Как же отнесся к ним Александр?

Из дела о разборе бумаг, найденных в имени Троицкого, явствует, что 9 мая он прочитал свою записку Александру. В Пушкинском Доме сохранилась опись другой, не дошедшей до нас части архива Троицкого. В ней значится рукопись «О причинах унижения Сената» «с собственноручной запискою и замечаниями». ⁵⁷ Эти три документа, неизвестно где ныне находящиеся, могли бы пролить свет на остающиеся пока неясными подробности встречи Троицкого с Александром 9 мая 1801 г. Однако и без них можно заключить, что Александр не одобрил пред-

⁵⁷ ОР ИРЛИ, ф. 538, д. 162, л. 25.

женной записки «О причинах унижения Сената». В ней содержались вполне конкретные рекомендации о средствах «вывести его из оного». Они были изложены в такой форме, что, если бы царь одобрил их, осталось бы только перенести уже готовые формулировки в текст высочайшего указа. Однако Александр не пошел по этому пути. В тот же самый день, 9 мая, он сообщил П. А. Строганову о своем намерении обратиться к Сенату с запросом, отчего сенаторы потеряли свои права и как их восстановить вновь,⁵⁸ хотя в записке Троицкого такой рекомендации не содержалось и не могло содержаться, поскольку она сама представляла собой вполне конкретный ответ именно на этот вопрос. Не случайно параллельно с запиской готовился документ, в котором в позитивной форме провозглашались привилегии Сената. Эту работу отражает рукопись «Преимущества и должности Сената». Текст ее был написан рукой писца, но рукопись затем дорабатывалась Сперанским.⁵⁹ Автор ставил перед собой задачу изложить по пунктам реальные права Сената. Изложение преимуществ этого учреждения сопровождалось примечаниями, где данные положения были детализованы и сопровождаемы ссылками на соответствующее законодательство. Главным образом это касалось полномочий Сената в кадровых вопросах. Автор подробно изложил все случаи, когда и кто может представлять Сенату кандидатуры чиновников для замещения должностей и к наградам. То же самое следует сказать и о положении, где сформулирована мысль об исключительном праве Сената контролировать деятельность подчиненных ему учреждений. В примечании к этому положению были детально указаны узаконенные пути жалоб на неисполнение указов и медленность решений. Из 12 пунктов рукописи о преимуществах Сената и их нарушениях сюда вошли только 6 положений, более лаконично изложенных в 5 пунктах. Все они касались деятельности Сената как верховного исполнительного органа, о судебных же функциях здесь не упоминалось вообще. Характерно, что в первоначальном тексте черновой рукописи Сперанского «Преимущества Сената» также не были разделены его судебные и административные функции.⁶⁰ Думается, что рукопись «Преимущества и должности Сената» возникла параллельно с первоначальной стадией работы и вполне соответствовала ей. Вместе с тем эта рукопись была создана одновременно с беловыми фрагментами записки «О причинах унижения Сената», опубликованной Н. В. Калачовым. Формулировка III пункта, согласно которой «точность исполнения необходимо нужно обеспечить избранием способных и достойных людей»,⁶¹ дословно воспроизводит вначале зачеркнутую, а потом переделанную фразу из III пункта белового фрагмента.⁶²

⁵⁸ Граф Строганов, т. II, с. 32.

⁵⁹ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 20—20 об.; САН, с. 128—130.

⁶⁰ Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 4—4 об.

⁶¹ САН, с. 128.

⁶² Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 24 об.—25.

На полях рукописи против фразы о том, что только империальной указ монарха может остановить или переменить решения Сената, рукой Сперанского сделана весьма существенная по своей форме приписка. Она гласит: «Обещать Сенату, что никакие жалобы на него в неправосудии или в пристрастии не будут принимаемы, но если просители будут приводить обстоятельства, кои до сведения Сената... не доведены... я буду поручать генерал-рекетмейстеру... поднести мне экстрат единственно для уважения опущенного обстоятельства...»⁶³ Эта знаменательная фраза, написанная от лица Александра или записанная Сперанским со слов императора, свидетельствует о том, что рукопись готовилась для документа, в котором от имени монарха должны были быть провозглашены преимущества Сената. Возможно, она докладывалась царю, может быть, вместе с запиской «О причинах унижения Сената», а может, и без нее. Несомненно, дошедшая до нас рукопись отражает какую-то промежуточную стадию работы. Была ли она продолжена, на этот вопрос сохранившиеся материалы ответа не дают. Во всяком случае после 9 мая работа пошла по иному пути. К записке Трощинского, найденной в его бумагах, было приложено 5 проектов указа о восстановлении прав Сената, один из них содержал собственноручные поправки Александра. Вместе с тем с запиской хранились еще два документа, возникших в ходе сенатской реформы и имевших более позднее происхождение: копия всеподданнейшего доклада Сената 26 июня 1801 г. и список с поданного в общее собрание 19 июля того же года мнения сенатора Державина. Поэтому тот факт, что проекты указа 5 июня были приложены к записке Трощинского, вовсе не означает, что они были подготовлены и представлены вместе с ней 9 мая 1801 г. И копия доклада Сената, и копия мнения Державина сохранились среди документов Комиссии составления законов,⁶⁴ проектов же указа там нет.

Для выяснения того, как развивалась мысль автора указа 5 июня 1801 г., было бы очень важно сопоставить пять проектов, приложенных к записке Трощинского. Эти документы до нас не дошли, но помимо них в бумагах Сперанского сохранилось еще несколько проектов, возникших при подготовке указа 5 июня. Один из них, чистовой, написанный писцовым почерком, оказался в той группе документов, которая была опубликована И. В. Калачовым.⁶⁵ В другой группе документов вместе с подготовительными материалами к записке «О причинах унижения Сената» сохранилось несколько черновых проектов указа 5 июня, написанных рукой Сперанского.⁶⁶ Еще Э. Н. Берендт обратил внимание на опубликованный чистовой проект,⁶⁷ но другие исследователи не вос-

⁶³ Бумаги Трощинского, л. 103, 445.

⁶⁴ ЦГА СССР, ф. 1260.

⁶⁵ Бумаги Сперанского, ч. VI, л. 15—15 об.; САИ, с. 124.

⁶⁶ Бумаги Сперанского, ч. XXVII, л. 2—3 об.

⁶⁷ История Сената, с. 29.

пользовались его наблюдениями. Черновики же проекта оказались вне поля зрения ученых. Сравнение этих документов между собой позволяет в какой-то степени восполнить потерю 5 проектов Троицкого и выяснить, как создавался текст указа 5 июня 1801 г.

В наиболее раннем черновом наброске, сделанном рукой М. М. Сперанского, указывалось, что первоначальные привилегии Сената, «сего верховного места правосудия», «уклонились к частному и личному действию». «Я желаю, — говорилось в наброске, — чтобы преимущества, на коих они поставлены, были неколебимы как государственный закон. А посему считаю нужным, чтоб Правительствующий сенат, собрав, представил мне все, что доселе и ослабление их постановлено или допущено было». В первоначальном варианте наброска содержались слова, указывающие на законодательные прерогативы монарха: «Главный суд и личную безопасность и покой вверенного от бога мне народа признавая первым преимуществом законодательной власти...»⁶⁸ Во втором варианте содержалось уже более определенное указание на то, кому именно принадлежит законодательная власть: «Силу законодательной власти, от бога мне вверенной, единым счастьем поданных определяя, я хочу поставить его (Сенат. — М. С.) на невыблемом основании закона, а действие закона утвердить на силе и преимуществах мест, коим исполнение его вверено».⁶⁹

В другом наброске М. М. Сперанского, значительно более обработанном, но все же еще черновом, указание на причину ослабления преимуществ Сената было опущено, а сам Сенат назван «верховным местом исполнения законов в империи» и «высшим судилищем дел гражданских и уголовных». Особо подчеркивалось то обстоятельство, что прежние монархи наделили Сенат рядом преимуществ, сам же царь обещал не только подтвердить эти преимущества, но и сделать их неизменным государственным законом. На Сенат возлагалась та же задача — представить монарху «все, что по течению времени в ослабление их (преимуществ. — М. С.) допущено или постановлено было». Монарх удостоверял непреложным императорским словом, что почтет себя обязанным сделать эти преимущества «на вечные времена неприкосновенными» «всею силою» данной ему «от бога законодательной власти».⁷⁰

Основные положения этого наброска были перенесены в другой проект указа. В нем преимущества Сената назывались «началом движения во всех местах, ему подвластных», а изменение

⁶⁸ Проект указа Сенату (неутвержденный) о доставлении сведений, относящихся к восстановлению Правительствующего сената. — ЦГА СССР, ф. 1164, оп. XVI, д. 9—10, ч. XXVII, л. 3.

⁶⁹ Там же, л. 3 об.

⁷⁰ Там же, л. 2—3. — Оба наброска сохранились в одном архивном деле с черновиком записки «О причинах унижения Сената», писанной рукой М. М. Сперанского (там же, л. 1—9).

этих преимуществ объявлялось причиной того, что «действие закона, всем управляющего, ослабело». Указание на законодательные прерогативы монарха опущено вовсе. Проект был уже переписан набело,⁷¹ но Александр не утвердил его. На основании представленных Д. П. Трошинским проектов царь создал собственную редакцию. Она гласила: «Уважая всегда Правительствующий сенат яко верховное место правосудия и исполнения законов и зная, сколь много права и преимущества, от государей, предков моих, ему присвоенные, по времени и различным обстоятельствам подвергались перемене, к ослаблению и самой силы закона, всем управлять долженствующего, я желаю восстановить оной на прежнюю ступень, ему приличную и для управления мест, ему подвластных, толико нужную; и на сей конец требую от Сената, чтоб он, собрав, представил мне докладом все то, что составляет существенную должность, права и обязанность его, с отверженным всего того, что в отмену или ослабление оных доселе введено было. Права сии и преимущества Правительствующего сената я намерен поставить на незыблемом основании как государственный закон, и силою данной мне от бога власти потщусь подкреплять, сохранять и соделать его навеки непоколебимым».⁷²

Таким образом, проекты Д. П. Трошинского содержали требование представить доклад о нарушении прав Сената и заключали в себе вполне определенный взгляд законодателя на существо этого органа: Сенат обладает высшей исполнительной и судебной властью, в то время как в руках монарха находится полученная от бога законодательная власть. В редакции Александра Сенат был назван верховным местом правосудия и исполнения законов, но упоминание о том, что от бога монархом была получена именно законодательная власть, оказалось опущенным, сенаторам же предписывалось не ограничиваться указаниями нарушений сенатских прав, а, говоря о прошлом Сената, выразить свое собственное осмысление сущности этого органа. Другими словами, указ предлагал сенаторам высказаться относительно того, чем Сенат мог бы стать, на их взгляд, при новом положении вещей.

5 июня 1801 г. Александр подписал указ.⁷³

Что же лежало в основе поведения царя? Сам Александр не оставил нам никаких документов, которые свидетельствовали бы об его отношении к Сенату, и мы можем судить об этом только на основании косвенных данных. Думается, что Александр потому и поручил Трошинскому составить записку «О причинах ущемления Сената», что вопрос об этом учреждении был уже поднят за-

⁷¹ Проект указа 5 июня 1801 г. — ЦГИА СССР, ф. 1164, оп. XVI, д. 9—10, ч. VI, л. 16—16 об.; САН, с. 124.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1260, оп. 1, д. 375, л. 1 (копия). — На документе есть пометка Д. П. Трошинского, в которой говорится, что «подлинник писан и подписан собственною его императорского величества рукою». См. также: ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 124, л. 7.

⁷³ ПСЗ, I, № 19903.

говорщиками и широко обсуждался в кругах столичного дворянства. Однако умеренные предложения Троцинского не могли удовлетворить царя, от которого вчерашние заговорщики, посадившие его на престол, добивались более радикальных преобразований.

Таким образом, постановка вопроса о правах Сената явилась ответом Александра на проявившиеся в ходе дворцового переворота стремления к «аристократической конституции», вопрос о которой вызвал брожение преобразовательских идей в широких кругах столичного дворянства, стремившегося получить гарантии невозможности повторения павловского деспотизма.

Указ 5 июня положил начало сенатской реформе. После острой борьбы, в ходе которой заговорщики один за другим покинули политическую арену, Александр 8 сентября 1802 г. издал указ, в общих чертах утверждавший основные положения записки Троцинского 9 мая 1801 г. Но в этот же день царь подписал манифест об учреждении министерств и тем самым придал указу о правах Сената совершенно иной смысл. Реализация этих законодательных актов привела к тому, что развитие государственного управления пошло по пути дальнейшей централизации и бюрократизации государственного аппарата, вытеснения принципов коллегиальности принципами единоначалия, в результате чего реальная власть Сената значительно упала и он уже в первом десятилетии XIX в. превратился в преимущественно судебное учреждение, сохранив, однако, за собой ряд административных функций.

В. Г. ЧЕРНУХА

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СОБРАНИЕ СЕЛЬСКИХ ХОЗЯЕВ (1860-е гг.)

Советская историческая наука в последнее время занялась разработкой истории государственных учреждений, отчасти научных учреждений, таких как университеты и пр. Но почти совершенно оказывается обойденной ее вниманием история ученых обществ, клубов и других объединений,¹ составлявших неотъемлемую часть общественно-политической жизни России. Настоящая статья, освещающая создание и отчасти деятельность совершенно забытого в наше время Петербургского собрания сельских хозяев, преследует цель обратить внимание исследователей именно на такие организации.

В связи с отменой крепостного права перед российским помещичьим дворянством встала близкая задача консолидации для за-

¹ Восполнить этот пробел поставил своей задачей А. Д. Степанский, выпустивший уже несколько работ по данной теме.